

(стр. 146). В этой статье опровергается встречающееся в литературе мнение о гармонии интересов киликийских армян и крестоносцев.

Биографию известного Филарета Варажнуни содержит статья «Византия и Антиохия при куропалате Филарете». К ней примыкает статья «Дука Антиохии Хачатур», где обрисована деятельность последнего в 1068—1071 гг. Обе статьи написаны на основании нарративных источников.

Сборник завершается статьей о данишмендидских эмирах до 1104 г. Данишмендиды утвердились в Севастии в последней трети XI в. С началом XII в. государство Данишмендидов быстро идет к упадку. Оно не выдерживает натиска султанов Икония и Багдада, Византии, армян и латинских государств Сирии (стр. 173).

В сборник включена библиография работ Лорана, из которой по недоразумению выпало название: *Byzance et les Turcs seldjoudides en Asie Mineure. Leurs traités antérieurs à Alexis Comnène.* — „*Byzantis*“, II, 1911—1913, p. 101—126.

Статьи Лорана, в особенности те, которые снабжены научным аппаратом, продолжают сохранять свое научное значение, хотя по обстоятельству, что автор не имел возможности использовать новые данные (печати), ныне становится существенным недостатком. Тем не менее эти статьи важны, в частности, для изучения политической жизни армян, переселившихся в XI в. за пределы своей исторической родины.

К. Ю.

The Teaching of Saint Gregory. An Early Armenian Catechism. Translation and Commentary by Robert W. Thomson. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1970, 207 p.

Армянская действительность V в. н. э. отмечена двумя моментами первостепенной важности. Разделенная между Византией и Ираном (387), утратившая самостоятельную государственность, Армения, тем не менее, решительно сопротивлялась попыткам ввести изменения в специфические социально-экономические устои страны. Восстания 450—451 и 481—484 гг. нанесли сильный удар престижу сасанидского двора, который на долгое время вынужден был отказаться от идеи ассимиляции армян путем обращения их в зороастризм. Другой характерной чертой V в. является небывалый взрыв интеллектуальной энергии, который реализовался в создании собственной письменности и многообразной литературы. Независимо от того, как это воспринималось современниками, оба момента тесно связаны друг с другом.

В V в. появляются важнейшие памятники армянской литературы. Это перевод Библии, который выявил богатейшие лексические и стилистические возможности армянского языка. Это сочинение Фавста Бузанда, эпический сказ о делах минувших, где отсутствие «научности» полностью компенсируется точностью в изображении повседневной жизни общества, реалий, характеров. Это панегирическая биография Маштоца, в канонические рамки которой ее автор Корюн включил важнейшие события жизни своего учителя. Это «Слово о войне армянской» Египше — взволнованный рассказ современника и очевидца о восстании 450—451 гг. и наставление о твердости духа¹. Это трехчастная история Лазара Парбеци, который глубже чем кто-либо из его литературных современников выразил идею общности исторических судеб Армении, Грузии, Албании. Это «История Армении» Мовсеса Хоренаци — высшее достижение армянской средневековой историографии, исторического мышления².

Перечисленные памятники составляют лишь небольшую часть литературы V в. — явления сложного и весьма многообразного, но они в наиболее яркой форме отразили общественные идеи своей эпохи. К числу таких памятников следует отнести и труд Агафангела. Это наиболее популярное произведение армянской литературы, оно было известно в ряде переводов и переложений — греческих, арабских, грузинских, латинском, славянском, эфиопском, коптском и др. В то же время это наиболее сложный по своему происхождению труд. Он посвящен жизни и проповеднической деятельности Григория Просветителя, при котором христианство стало государственной религией Армении³. Полагают, что сначала это сочинение называлось *ἀγαθός*

¹ Не могу не выразить своего огорчения, что вопреки воле издателя русский перевод этого труда вышел под неверным названием, тогда как в начальных строках сочинения его подлинное название — *Слово о войне армянской* — выявляется достаточно определенно; см. *Египше*. О Вардане и армянской войне. Подготовка к печати и предисловие Е. Тер-Минасяна. Ереван, 1957, стр. 3.1—2 (на арм. яз.); ср. *Египше*. О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели, подготовка к изданию, предисл. и примеч. К. Н. Юзбашьяна. Ереван, 1971.

² Надо признать, однако, что датировка этого памятника V в. носит по большей части декларативный характер и не снимает всех сомнений по поводу более позднего происхождения памятника. Разумеется, оценка труда Мовсеса Хоренаци не зависит от времени жизни автора.

³ Около 314 г.; см. *P. Ananian. La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore.* — *LeM*, LXXIV, 3—4, p. 335—344.

ἀγγελος — «добрый посланец», но впоследствии появилось апокрифическое предисловие, где весь труд был объявлен сочинением выходца из Рима, секретаря армянского царя Трдата III (ок. 287—330) Агафангела.

Сочинение Агафангела, помимо предисловия, состоит из трех частей: происхождения и мученичества Григория, также мученичеств Гайяны и Рипсимии, «Поучения» Григория и истории распространения христианства в Армении. Критический текст памятника был издан в 1909 г. на основе многочисленных рукописей, это издание продолжает служить хорошей основой для исследований⁴.

Книга Р. В. Томсона, американского исследователя, сириолога и армениста, специалиста по патристике⁵, посвящена второй части сочинения — «Поучению» Григория Просветителя. Работа состоит из введения (стр. 1—28), перевода памятника на английский язык с примечаниями (стр. 41—82), списка армянских, греческих и сирийских источников и специальной литературы (стр. 191—197), общего указателя — именного и предметного (стр. 199—205) — и указателя основных тем «Поучения» (стр. 206—207). На европейский язык «Поучение» Григория переводится впервые.

Основное содержание памятника составляют тесно переплетенные наставление о догме, экзегеза Ветхого и Нового завета и призыв к покаянию. В предисловии и комментарии «Поучение» исследуется в первую очередь в теологическом аспекте, выясняются источники идей этого памятника, его лексика и др. Доверяя здесь полностью компетентности издателя⁶, я хотел бы остановиться на тех его выводах, которые касаются иных сторон культурно-исторического значения этого памятника. Представляя собой самостоятельное целое, «Поучение» в то же время является органической частью сочинения в редакции уже 60-х годов V в. Загадочным образом все три греческие версии опускают «Поучение». В то же время версия, изданная П. де Лагардом, сохраняет проповедь Григория Просветителя, в которой он излагает основные положения «Поучения» (§§ 252—258), а также и замечания Григория, относящиеся к этому разделу (§ 716)⁷. Охридская версия Агафангела⁸, в общем сходная с эскуриальской⁹, содержит три главы из «Поучения» (§ 652—659), две из которых перешли в арабскую версию.

«Поучение» принадлежит V в., как и «История» Агафангела. «История» преследовала цель возвеличить новый патриарший престол в Валаршанате (до этого центр религиозной жизни был на западе, в Аштишате). Сознательно подражая Корюну, автор «Истории» стремился представить Григория Просветителя как непосредственного предшественника Маштоца. Точно так же и «Поучение», которое составлено в стиле Маштоца, призвано было, полагает Томсон, придать особый авторитет сочинениям и вообще миссионерской деятельности последнего. Высказанное Н. Акиняном мнение, что автором «Поучения» был сам Маштоц, Томсон отвергает за недоказанностью. Автор «Поучения» принадлежит к той группе переводчиков, которая отправилась за рубеж изучать греческую и сирийскую науку. Плоды их литературной деятельности отмечены неким единством стиля, что явилось результатом непосредственного воздействия на них наставников — Маштоца и католикоса Саака. Автор «Поучения» безусловно владел греческим, почти наверняка сирийским (стр. 35). Он хорошо знает патристику, широко использует Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Василия Кесарийского (хотя и не называет свои источники). Многочисленные указания на источники и параллели придают переводу, выполненному Томсоном, особую ценность.

Работа Р. В. Томсона, в которой армянский литературный памятник изучается в его действительных связях с восточнохристианской литературой вообще, представляет безусловный интерес и по своей строгой методике, и по общим выводам.

К. Ю.

Х. П. Συμμεωνίδης. Οἱ Τζάκωνες καὶ ἡ Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ.

Проблема этнической динамики населения Пелопоннеса усиленно изучалась уже с начала XIX в., особенно — когда противостояли друг другу теории Фальмерайера и Гоцфа о роли славянства в происхождении современного греческого народа и новогреческого языка. Уже тогда было обращено внимание на наименования Τζάκωνες и Τζακωνία в греческих источниках.

⁴ Об Агафангеле см. А. С. Анасян. Армянская библиология V—XVIII вв., 1. Ереван, 1959, стб. 151—213 (на арм. яз.); А. Н. Тер-Гевондян. Новая арабская редакция Агафангела (Арабский текст и исследование). Ереван, 1968 (на арм. яз., с включением арабск. текста, с русск. и франц. реюме).

⁵ См. *Athanasius. Contra Gentes and De Incarnatione*. Edited and translated by Robert W. Thomson. Oxford, 1971.

⁶ Ср. рецензию: В. Outtier. in RE Arm, VIII, 1971, p. 462—465.

⁷ P. de Lagarde. Agathangelus.—«Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», 35, 1880, S. 1—88. Здесь и далее — разбивка на параграфы, принятая в критическом издании 1909 г.

⁸ G. Garitte. La vie grecque inédite de Saint Grégoire d'Arménie (ms. 4 d'Ochride).—«Anal. Boll.», 83, 1965, p. 233—290.

⁹ G. Garitte. Documents pour l'étude du livre d'Agathange. Vatican, 1946.